

Глаголев С. С. Новая книга по психологии животных. [Рец. на:] Хэдсон (Hudson). Натуралист в Ла-Плате. I—IV и с. 331 / Пер. с 2-го англ. издания Струнина. Изд. Девриена. СПб., 1896 // Богословский вестник 1896. Т. 3. № 9. С. 386—401 (4-я пагин.).

Новая книга по психологии животных.

Хэдсонъ (Hudson), Натуралистъ въ Ла-Платѣ. I—VI и 331 стр. Переводъ со 2-го англійскаго изданія Струнина. Петербургъ. Изданіе Девріена. 1896.

Въ основѣ всѣхъ трактатовъ по психологии животныхъ обыкновенно лежитъ стремленіе доказать одно изъ двухъ положеній: или 1) что духъ человѣка и духъ скотовъ въ сущности одно и тоже и человѣкъ не имѣетъ ничего преимущественнаго предъ скотами или 2) что человѣкъ по своимъ духовнымъ особенностямъ долженъ быть причисленъ къ особому царству, по своему происхожденію неродствененъ животнымъ и по своему назначенію отличается отъ нихъ. Методы изслѣдованія и приемы доказательствъ употребляются приблизительно одинаковые въ трактатахъ обоихъ типовъ съ тою лишь разницею, что тонъ писателей, не видящихъ въ себѣ никакихъ преимуществъ передъ животными, звучитъ болѣе побѣдно и дышитъ полнымъ самодовольствомъ: они какъ будто рады, что ихъ низкое происхожденіе слагаетъ съ нихъ высокія нравственныя обязанности, что нечего страшиться темнаго будущаго и заботиться о приобрѣтеніи вѣчныхъ благъ. Книга Хэдсона, заглавіе которой выписано нами, не принадлежитъ ни къ одному изъ указанныхъ нами двухъ типовъ: она относится къ рѣдкому типу книгъ написанныхъ по щекотливому и важному вопросу безъ задней мысли. Авторъ считаетъ и объявляетъ себя дарвинистомъ, но въ своихъ повѣствованіяхъ о духовныхъ способностяхъ, инстинктахъ и нравахъ животныхъ онъ руководится не предвзятою теоріею, а лишь своими тонкими наблюденіями, глубокою любовью къ природѣ и требованіями правды. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ изслѣдователей

занимающихся въ настоящее время изученіемъ души животныхъ, Хэдсонъ знакомъ съ этою душою. Онъ долго жилъ и изучалъ эту душу тамъ (въ Пампасахъ), гдѣ для проявленія ея свойствъ человѣкъ еще не создалъ препятствій, и онъ рассказываетъ намъ о томъ, что онъ знаетъ, безъ претензій и самохвальства. Тонъ его рассказовъ не торжествующій и побѣдный, какой обыкновенно звучитъ въ книгахъ людей говорящихъ о побѣдахъ одержанныхъ людьми надъ природою, но скорбный и грустный: авторъ скорбитъ о вымирающихъ видахъ животныхъ, скорбитъ о томъ, что пестрое разнообразіе животной и растительной жизни исчезаетъ подъ давленіемъ вытѣсняющей и уничтожающей ее культуры, вмѣстѣ чего являются домашнія животныя и воздѣланныя растенія, дающія намъ матеріалъ для одежды и пищи, но мало говоряція о способностяхъ природы производить великое и прекрасное. Это тоскливое чувство, думаемъ мы, знакомо всякому, кто дѣйствительно любитъ природу и видитъ, что многимъ великимъ и прекраснымъ ея созданіямъ грозитъ гибель. Это чувство возникаетъ при видѣ слоновъ, медвѣдей, зубровъ, киви, утконосовъ, вообще всѣхъ тѣхъ, участь которыхъ уже рѣшена.

Книга Хэдсона предназначена для юношей, но ее съ пользою прочтутъ и люди зрѣлаго возраста, и зоопсихологи найдутъ въ ней не мало поучительнаго; книга не написана по схоластической формѣ ученыхъ сочиненій и не представляетъ собою систематическаго цѣлаго, но она сообщаетъ намъ множество фактовъ, которые расширяютъ наши познанія о духовной жизни животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, какъ поспѣшны и малоосновательны возрѣнія установленныя извѣстною школою (эволюціонною) на эту жизнь.

Дѣйствія животныхъ представляютъ собою частію результатъ инстинктовъ, частію результатъ обученія, опыта и собственной сообразительности. Инстинктивными называются дѣйствія, которыя, будучи цѣлесообразными, совершаются однако безсознательно. Происхожденіе инстинктовъ у животныхъ Дарвинъ всецѣло приписалъ естественному подбору. Такъ, птицы, по утверженію Дарвина, боятся человѣка инстинктивно, и этотъ инстинтъ произошелъ слѣдующимъ образомъ. Когда человѣкъ впервые появлялся на какомъ-либо островѣ, на которомъ доселѣ птицы его никогда не видали, онѣ

сначала не обнаруживали передъ нимъ страха, но когда онъ начиналъ преслѣдовать ихъ, у нихъ являлся страхъ, однако не у всѣхъ и не въ равной мѣрѣ. Спасались, конечно, тѣ, у кого онъ былъ больше, и изъ потомства тѣ, кому они передали свой страхъ по наслѣдству. Такъ птицы, почувствовавшія страхъ предъ человѣкомъ, пережили тѣхъ, которыя не приобрѣли этого страха, наслѣдственно это чувство страха или этотъ инстинктъ закрѣплялся и такимъ образомъ сдѣлался всеобщимъ. Таковъ пріемъ объясненій Дарвина. Уже многократно было указываемо, что онъ представляетъ собою напызываніе предположеній о возможностяхъ и случайностяхъ безъ приведенія для нихъ какихъ либо разумныхъ причинъ. Къ этимъ указаніямъ книга Хэдсона прибавляетъ слѣдующее: во 1) она показываетъ, что многіе изъ тѣхъ инстинктовъ, происхожденіе которыхъ объясняетъ Дарвинъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не существуютъ, во 2) что инстинкты вовсе не обладаютъ эластическою способностью измѣняться и приспособляться, которую у нихъ предполагалъ Дарвинъ.

Такъ, на основаніи своихъ наблюденій Хэдсонъ отрицаетъ, чтобы птицы обладали приписываемою имъ инстинктивною способностію узнавать враговъ и въ частности, чтобы они по инстинкту считали своимъ врагомъ человѣка. Большинство птицъ, по Хэдсону, инстинктивно страшатся всякаго незнакомаго существа и предмета, но только опытъ и воспитаніе научаютъ ихъ различать между знакомыми друзьями и враговъ. Панду или южно-американскій страусъ, говоритъ онъ, по мнѣнію естествоиспытателей, оказывается одною изъ наиболѣе древнихъ птицъ земнаго шара. Онъ подвергался систематической травлѣ со стороны человѣка съ самыхъ древнихъ поръ, и въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравниться никакая другая птица. Этому способствовало все: большой объемъ тѣла, неспособность спасаться летаніемъ и, наконецъ, пригодность его для пищи особенно въ глазахъ дикарей, которые такъ любятъ его жирное и ароматическое мясо. Если страхъ передъ человѣкомъ дѣйствительно передается у птицъ по наслѣдству, то конечно слѣды его въ видѣ инстинкта должны быть и у панду. Между тѣмъ мнѣ никогда не удавалось обнаружить у него этотъ инстинктъ, хотя я наблюдалъ множество молодыхъ панду въ плѣну у человѣка захваченныхъ прежде,

чѣмъ родители ихъ могли внушить имъ понятіе о томъ, чего слѣдуетъ бояться. Я самъ однажды овладѣлъ выводкомъ страусовъ, которые только что вылупились изъ яицъ. Относительно нищи они почти и, можно сказать, даже совершенно ни отъ кого не зависѣли, проводя большую часть времени въ ловлѣ мухъ, кузнечиковъ и другихъ насѣкомыхъ и обнаруживая въ этомъ чрезвычайную ловкость; объ опасностяхъ же, окружающихъ ихъ, они рѣшительно ничего не подозрѣвали. Они обыкновенно слѣдовали за мною съ такою довѣрчивостію, точно я былъ ихъ отцомъ; и всякій разъ какъ я подражалъ громкому храпящему или звенящему крику взрослыхъ наиду, который употребляется ими въ качествѣ сигнала къ бѣгу во время опасности, они кидались ко мнѣ съ выраженіемъ величайшаго ужаса, хотя никакое животное не угрожало имъ, припадали къ моимъ ногамъ и всячески старались скрыться, запрятывая свои головы и длинныя шеи въ складкахъ моей одежды. Допустимъ, что я попросилъ бы кого-нибудь нѣсколько разъ подрядъ облакаться въ бѣлое или желтое платье и всякій разъ, какъ эта личность появлялась на глаза страусовъ, издавалъ бы тотъ же сигнальный крикъ; я совершенно увѣренъ, что они скоро усвоили бы привычку убѣгать отъ этого страшнаго лица съ выраженіемъ ужаса даже не ожидая сигнала, и что страхъ передъ бѣлымъ или желтымъ человѣкомъ остался бы у нихъ на всю жизнь“ (стр. 77—78). Мнимому факту провозглашенному Дарвиномъ (страху птицъ предъ человѣкомъ) Спенсеръ попытался дать фізіологическое объясненіе. Преслѣдованія птицъ человѣкомъ, по его мнѣнію, возбуждая страхъ въ преслѣдуемыхъ, произвели такія измѣненія въ нервной системѣ ихъ потомства, что одно появленіе человѣка передъ его глазами приводитъ нервную систему птицъ въ такое состояніе, которое вызываетъ чувство страха. Хэдсонъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что никакихъ такихъ измѣненій въ нервной системѣ не произошло и что однимъ изъ отрадныхъ слѣдствій этого отсутствія измѣненій является возможность дружбы между человѣкомъ и пернатыми (см. 90—92 стр.). Однако должно оговориться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Хэдсонъ допускаетъ, что животныя (птицы, насѣкомыя) могутъ распознавать своихъ враговъ инстинктивно. Но здѣсь противъ него выступаетъ уже переводчикъ (125—126

стр.), указывая, что наблюденія, на которыя ссылается Хэдсонъ, допускаютъ другое объясненіе. Такъ комары и москиты исчезаютъ изъ той мѣстности, куда совершаютъ нашествіе ихъ враги—стрекозы. Хэдсонъ видитъ здѣсь инстинктъ. Переводчикъ допускаетъ, что эти исчезновенія можетъ быть стоять въ связи съ измѣненіями атмосферныхъ условій, которыя, изгоняя изъ данной мѣстности однихъ, привлекаютъ въ нее другихъ.

Но тамъ, гдѣ инстинкты существуютъ дѣйствительно, они отличаются замѣчательнымъ упорствомъ и не обнаруживаютъ никакой склонности къ измѣчивости. На самомъ дѣлѣ постоянство нравовъ животныхъ не характеризуется ли уже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящее время домашними оказываются лишь тѣ животныя, какія были ими и пять тысячъ лѣтъ назадъ? Одну изъ главъ своей книги Хэдсонъ посвящаетъ пумѣ — американскому льву. Этотъ сильнѣйшій представитель кошачьей породы въ Америкѣ замѣчателенъ тѣмъ, что не только никогда не нападаетъ на человѣка, но если человѣкъ нападаетъ на него, обыкновенно даже не защищается, между тѣмъ какъ онъ смѣло нападаетъ на ягуаровъ, коровъ и лошадей и легко справляется съ ними. На мой вопросъ, говоритъ Хэдсонъ, предложенный одному англичанину акклиматизировавшемуся въ Южной Америкѣ, — убивалъ ли онъ когда-нибудь пуму, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно убилъ одного пуму, но что послѣ этого онъ далъ себѣ клятву не убивать это животное въ другой разъ. Случилось это такъ: пума появился въ то время, какъ онъ былъ въ полѣ вмѣстѣ съ однимъ гаучосомъ¹⁾ стерегшимъ скотъ. Животное сидѣло, облокотившись спиной на камень и совершенно не двигалось даже въ ту минуту, какъ гаучосъ накинулъ на него петлю аркана. Тогда англичанинъ сошелъ съ лошади и, вынувъ ножъ, приблизился къ пумѣ, чтобы убить его; пума не сдѣлала ни одной попытки освободиться изъ петли, но повидимому сознавала, къ чему клонится дѣло, потому что началъ дрожать, изъ глазъ его закапали слезы, и онъ завылъ самымъ жалобнымъ образомъ. Англичанинъ убилъ

¹⁾ Гаучосы—скотоводы Ла-Платы, происшедшіе отъ смѣшенія европейцевъ съ туземцами.

пуму безъ всякаго сопротивленія со стороны послѣдняго и, исполнивъ дѣло, почувствовалъ, что совершилъ преступленіе. Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ, что изъ всѣхъ совершенныхъ имъ дѣлъ только убійство пумы вызываетъ въ немъ угрызеніе совѣсти всякій разъ, какъ оно вспоминается. Признаніе это, говоритъ Хэдсонъ, съ его стороны было нѣсколько странно, потому что, насколько мнѣ извѣстно, онъ не смутился, сражаясь на ножахъ, какъ это принято у гаучосовъ, убить на дуэли нѣсколько людей. Всѣ, кому приходилось убивать пуму или быть свидѣтелемъ убійства (я распрашивалъ объ этомъ множество охотниковъ), признаютъ, что онъ всегда принимаетъ смерть отъ руки человѣка покорно и вызывая сожалѣніе. Въ своемъ сочиненіи „Естественная исторія Чили“ Клавдіо Гей говоритъ: „когда на пуму нападаетъ человѣкъ, энергія и дерзость вдругъ покидаютъ его, и онъ становится слабымъ, безвреднымъ животнымъ: дрожа и испуская жалобныя стоны и даже проливая обильныя слезы, онъ производитъ такое впечатлѣніе, будто проситъ своего великодушнаго врага о состраданіи“ (стр. 40—41). Случаи самозащиты пумы отъ человѣка являются очень рѣдкими, но многочисленны случаи проявленія пумою дружелюбія къ человѣку. Хэдсонъ пытается объяснить происхожденіе этого страннаго инстинкта. „Извѣстно, говоритъ онъ, что нѣкоторые звуки, цвѣта или запахи, не производящіе на большинство животныхъ никакого особеннаго впечатлѣнія, оказываютъ необыкновенное дѣйствіе на отдѣльныя виды животныхъ; можно предположить, мнѣ кажется, что человѣческая форма или видъ или запахъ человѣческаго тѣла точно также обладаютъ какимъ-то особеннымъ свойствомъ, благодаря которому они производятъ на пуму совершенно особое дѣйствіе, умиротворяя въ немъ хищника и пробуждая въ немъ любовь къ человѣку, которую мы привыкли видѣть въ домашнихъ животныхъ или въ дикихъ звѣряхъ по отношенію другъ къ другу“ (стр. 47). Должно прибавить, что на обезьянъ пума усердно охотится, только къ человѣку онъ обнаруживаетъ исключительное почтеніе. Непонятно происхожденіе этого инстинкта, не менѣе непонятно, что онъ упорно сохраняется, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія.

Тамъ, гдѣ животныя обнаруживаютъ способность быстро

приспособляться къ новымъ условіямъ. эта приспособляемость, по Хэдсону, является не слѣдствіемъ измѣненія ихъ инстинктовъ, а результатомъ ихъ сообразительности. Въ главѣ „факты и мысли о паукахъ“ (стр. 163—181) Хэдсонъ сообщаетъ многое подтверждающее это положеніе. Наибольше оригинальнымъ въ умственномъ отношеніи изъ пауковъ Буэносъ-Айреса является, по мнѣнію Хэдсона, *Pholcus*. Интересенъ способъ спасенія этого паука отъ враговъ; когда на него нападаютъ или просто приближаются къ его паутинѣ, онъ тотчасъ же подбрасываетъ свои ноги, помещается въ центрѣ своихъ телетъ и начинаетъ раскачиваться, описывая полный кругъ съ быстротою волчка, и вы видите только туманное пятно, къ которому нельзя приступить ни съ какой стороны. Всякій разъ, какъ въ его паутину попадетъ муха, онъ приближается къ ней съ предосторожностями, обходя ее кругомъ и постепенно всетѣснѣе и тѣснѣе обвивая ее паутиной такъ, что муха окутывается какъ бы кокономъ. Впрочемъ это ухищреніе не составляетъ вовсе исключительной особенности *pholcusa*, а свойственно и другимъ паукамъ; умственное развитіе *pholcus'a* (я не могу подыскать другаго болѣе подходящаго слова) проявляются въ дальнѣйшихъ приемахъ его осложняющихъ первоначальный инстинктъ: приемы эти являются не только оригинальными, но и въ своемъ родѣ единственными. Не смотря на порядочные размѣры тѣла, *pholcus* представляетъ слабое созданіе и обладаетъ слишкомъ ничтожнымъ количествомъ яда, чтобы сразу умертвить муху, почему ему и приходится употреблять множество уловокъ, чтобы воспользоваться добычей. Муха въ паутинѣ—чрезвычайно несносное созданіе и въ продолженіе 10—12 минутъ послѣ того, какъ она попала въ паутину англо-аргентинскаго *pholcusa*, еще раздается ея пронзительное, отчаянное жужжаніе. Этотъ звукъ производитъ сильное возбужденіе среди сосѣднихъ пауковъ; многіе изъ нихъ покидаютъ свои паутины и сѣшать на мѣсто происшествія. Часто случается, что обладатель счастливой паутины совершенно устращается и муху уноситъ или самый сильный, или самый смѣлый изъ сбѣжавшихся пауковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда потолкомъ завладѣваютъ большія колоніи *pholcusa* долго инкѣмъ не тревожимыя,—у паука заручившагося добычей наблюдаю си

совершенно особья уловки: какъ только въ его паутину попалась муха, онъ быстро окутываетъ ее кокономъ, отрываетъ отъ остальной паутины и на тоненькой ниточкѣ спускаетъ книзу, на два или на три фута отъ потолка. Сосѣди сбѣгаются на шумъ и послѣ непродолжительныхъ развѣдокъ уходятъ во-свои; дорога расчищается и обладатель мухи, которая къ тому времени уже успѣетъ выбиться изъ силъ, рѣшается поднять ее въ свою паутину“.

Въ борьбѣ за существованіе пауковъ спасаетъ сообразительность. Тою же силою пользуются въ жизни и другія животныя. Трудно, конечно, во многихъ случаяхъ точно рѣшить — разумокъ или инстинктъ руководить животными. Обезглавленныя земноводныя и насѣкомыя совершаютъ сложныя цѣлесообразныя дѣйствія; характеръ дѣйствій заставляетъ предполагать участіе разсудка, а условія, при которыхъ они совершаются, безусловно отрицаютъ это участіе. Подобные случаи способствовали развитію теоріи, что животныя-автоматы и что за ихъ фізіологическою жизнью не скрывается никакого психическаго начала. Эту теорію нельзя опровергнуть, мы не допускаемъ ее только во имя требованій сердца и закона аналогій и потому что принятіе ея оправдывало бы жестокое обращеніе съ животными. Во имя же закона аналогій мы принимаемъ, что животнымъ кромѣ инстинктовъ присущъ и разумокъ. Относительно свойствъ этого разсудка книга Хэдсона подсказываетъ два заключенія, изъ которыхъ одно уже было высказано Уоллэсомъ ¹⁾, а другое вытекаетъ изъ всѣхъ изслѣдованій о жизни животныхъ. Первое заключается въ томъ, что разумокъ животныхъ ни въ общихъ, ни въ частныхъ функціяхъ не похожъ на человѣческій. Въ своихъ дѣйствіяхъ (постройкѣ жилищъ, добываніи пищи) животныя руководятся подражательностію, соединенною съ медленнымъ и частичнымъ приспособленіемъ къ возникающимъ новымъ условіямъ. При этомъ мы видимъ, что очень трудныя умозаключенія даются имъ иногда очень легко и, наоборотъ, въ весьма многихъ случаяхъ они не могутъ совладать съ самыми легкими. Второе заключеніе, подсказываемое книгою Хэдсона, равно

¹⁾ Уоллеса, Естественный подборъ. Перев. Вагнера. Петербургъ. 1878. См. главу „Инстинктъ человѣка и животныхъ“ (стр. 211—248).

какъ изслѣдованіями и другихъ добросовѣстныхъ авторовъ, состоитъ въ томъ, что предложенныя доселѣ подѣлія вліяніемъ теоріи Дарвина классификаціи животныхъ по степени ихъ духовнаго развитія нисколько не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Дарвинистамъ для ихъ теоріи нужно установить фактъ параллелизма между физическимъ и психическимъ развитіемъ животныхъ и утвердить, что чѣмъ ближе животное по своей физической организаціи къ человѣку, тѣмъ ближе оно и психически и наоборотъ. Оказывается, факты не подтверждаютъ этого. Бобръ и вискача проявляютъ несравненно больше разумности, чѣмъ сколько позволяютъ имѣть имъ теорія (11 стр.). Объ армадиллѣ, въ которомъ по теоріи духовная жизнь должна была бы теплиться очень слабо, Хэдсонъ пишетъ: „убогій щетинистый армадиллъ, этотъ пережитокъ прошлаго, существуетъ на землѣ чрезвычайно давно и можетъ считаться современникомъ гигантскаго глиптодона; тѣмъ не менѣе, если гибкость нравовъ, или, другими словами, приспособляемость можетъ быть признана мѣриломъ умственнаго развитія, то онъ долженъ быть поставленъ на болѣе высокую ступень, чѣмъ семейства кошекъ и собакъ, хотя мозгъ послѣднихъ больше“ (18 стр.). Эволюціонисты, усердно отыскивая сходство между человѣкомъ и животными, нашли, что нѣкоторыя группы живутъ такою же соціальною жизнію, какъ люди и что эти благоприятныя соціальныя условія далеко подвинули ихъ по ступенямъ духовнаго развитія. И дѣтскія книжки и научныя изслѣдованія рассказываютъ намъ много въ этомъ родѣ о пчелахъ, осахъ и муравьяхъ. Вотъ, что пишетъ по этому поводу Хэдсонъ: вопросъ объ умственной жизни насѣкомыхъ представляетъ чрезвычайно много трудностей. Весьма возможно, что наши сужденія на этотъ счетъ будутъ нуждаться въ серьезномъ пересмотрѣ. Напримѣръ, мы привыкли смотрѣть на отрядъ перепончатокрылыхъ (названныя нами насѣкомыя), какъ на самый развитой въ умственномъ отношеніи, и дѣлается это только на томъ основаніи, что къ нему принадлежитъ большинство формъ, живущихъ общественною жизнію (соціальныхъ), однако еще далеко не доказано, да, вѣроятно, этого никогда и не доказать, что общественныя инстинкты развились на почвѣ умственнаго превосходства, чего на самомъ дѣлѣ могло и не быть. По

вопросу о томъ, были ли муравьи и пчелы на раннихъ ступеняхъ своего обобществленія болѣе развиты умственно, чѣмъ другія насѣкомыя—едвали можетъ существовать разногласіе среди естествоиспытателей: всякій, кому достаточно долго приходилось наблюдать живущихъ въ одиночествѣ насѣкомыхъ, прекрасно знаетъ, что они проявляютъ больше смысленности въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ общественныя насѣкомыя“ (стр. 179).

Психическая жизнь животныхъ заключаетъ въ себѣ много таинственнаго и трудно объяснимаго, ее нельзя заключить въ тѣсныя рамки дарвинистической философіи. Дарвинизмъ претендуетъ на то, что онъ нашелъ ключъ къ пониманію всего, и эта претензія уже сама по себѣ является вредною для развитія науки. Изученіе природы показываетъ, что время широкихъ обобщеній еще не приспѣло далеко. Хэдсонъ рассказываетъ намъ о многомъ изъ жизни животныхъ, что по всей вѣроятности строго научно будетъ объяснено не скоро. Въ его книгѣ есть глава „о томъ, какъ умираетъ гуанако“. Гуанако, это — безгорбый верблюдъ (самецъ имѣетъ 7—8 футовъ длины, 4—вышины), животное это отличается общительностію и проводитъ жизнь на открытыхъ пустынныхъ плоскогорьяхъ и скалахъ. Всѣ гуанако, когда чувствуютъ приближеніе смерти, отправляются въ опредѣленный пунктъ, который служитъ для нихъ погребальницей. Направляются они къ южной оконечности Патагоніи, здѣсь въ долинахъ рѣкъ Сапта-Круцъ и Галлегосъ они забираются въ густую первобытную чащу кустарниковъ и низкорослыхъ деревьевъ и тамъ умираютъ. Какъ будто гуанако ни считаетъ для себя безразличнымъ, гдѣ бы не умереть, и считаетъ своимъ долгомъ сложить свои кости на костяхъ своихъ отцовъ. Похожій инстинктъ Хэдсонъ отмѣчаетъ у верховыхъ лошадей изъ Патгасовъ Аргентины, которыя передъ смертью приходятъ къ дому хозяина (они живутъ въ открытомъ полѣ). Хэдсонъ полагаетъ, что животныя приходятъ къ опредѣленнымъ мѣстамъ не затѣмъ, чтобы умирать, но въ надеждѣ получить облегченіе: лошадей разнуздываютъ (освобождаютъ отъ мучительнаго ощущенія стѣсненія) передъ домомъ, предки гуанако въ отдаленныя времена можетъ быть находили убѣжище отъ тяжелыхъ климатическихъ вліяній въ тѣхъ заросляхъ, куда

ихъ потомки теперь приходятъ умирать. Не трудно видѣть, что эти объясненія очень гипотетичны и что особенно послѣднее изъ нихъ страдаетъ искусственностію и натяженностію.

Въ главѣ „странные инстинкты животныхъ“ Хэдсонъ останавливается на томъ, что существуютъ инстинкты, которымъ не только не присущъ признакъ цѣлесообразности, обыкновенно приписываемый инстинктамъ психологіей, но которые часто приносятъ вредъ тѣмъ животнымъ, которыя ихъ имѣютъ.

„Эти инстинкты суть:

1) Возбужденіе, причиняемое запахомъ крови, между нашими домашними животными, замѣчаемое у лошадей и рогатаго скота, весьма колеблющееся въ силѣ—начиная отъ едва замѣтнаго волненія и кончая крайними степенями бѣшенства или страха.

2) Яростное возбужденіе, возникающее у нѣкоторыхъ животныхъ при видѣ пурпурной или яркокрасной ткани. Тотъ, очевидно, безумный инстинктъ послужилъ матеріаломъ для поговорокъ и сравненій, которыя въ различной формѣ извѣстны каждому.

3) Преслѣдованіе больнаго или слабого животного его сотоварищами.

4) Внезапная и смертельная ярость, которая овладѣваетъ стадомъ или семействомъ при видѣ сотоварища, находящагося въ крайне бѣдственномъ положеніи. Травоядные въ такихъ случаяхъ топчутъ и бодаютъ несчастнаго до смерти. У волковъ и другихъ диконравныхъ плотоядныхъ видовъ несчастнаго, товарища часто разрываютъ на клочки и пожираютъ на мѣстѣ“ (стр. 287).

Хэдсонъ рѣзко разграничиваетъ эти инстинкты по ихъ происхожденію и свойствамъ и отрицаетъ, чтобы одни изъ нихъ (наприм., второй изъ перваго, четвертый изъ третьяго) можно было вывести изъ другихъ. Онъ пытается объяснить ихъ, но здѣсь, какъ и въ большинствѣ случаевъ, гдѣ онъ является не наблюдателемъ, а философомъ, онъ оказывается говорящимъ голословно и не убѣдительно. Онъ остроумно пользуется дарвинистическимъ методомъ объясненій, но самый этотъ методъ — методъ возможностей и случайностей—сбиваетъ его съ пути и вѣрнаго и тонкаго наблюдателя превращаетъ въ невѣрнаго комментатора наблюдаемаго.

Но тамъ, гдѣ факты комментируютъ сами себя и под-сказываютъ выводы, Хэдсонъ высказываетъ эти выводы, не смущаясь тѣмъ, что они идутъ въ разрѣзъ съ дарвинизмомъ. Для объясненія происхожденія яркой окраски птицъ и насѣкомыхъ (обыкновенно самцевъ), для объясненія причины устроенія многими животными правильно организованныхъ музыкальныхъ и танцевальныхъ упражненій Дарвинъ предложилъ теорію полового подбора, по которой самки отдаются не сильнѣйшему или первому попавшемуся самцу, а тому, который превзойдетъ другихъ качествами эстетическаго свойства (яркимъ опереніемъ, граціозными движеніями, мелодичнымъ голосомъ и тому подобное). Поэтому серенады и менуэты самцевъ, по Дарвину, имѣютъ свою задачу завоевать любовь, и такъ какъ потомство производится красивѣйшими родителями, то оно и является красивымъ. Хэдсонъ въ главѣ „музыка и танцы въ природѣ“ приводитъ многіе факты, совершенно опровергающіе теорію Дарвина. Подводя итогъ этимъ фактамъ, Хэдсонъ говоритъ слѣдующее: „мы говорили о танцѣ тиранна—виохвоста и о его вечернихъ пиротехническихъ представленіяхъ, ради участія въ которыхъ множество паръ оставляютъ свои гнѣзда съ яйцами и птенцами; говорили о дикихъ представленіяхъ ипикахъ и ибисовъ, о великолѣпной выставкѣ подкрылій у ясанъ, о танцѣ трехъ пигалицъ, для котораго двѣ уже сочетавшіяся бракомъ птицы должны пригласить третью, чтобы составить фигуру; было разсказано также о гармоничныхъ дуэтахъ печника, о дуэтахъ и шумныхъ состязаніяхъ древолазовъ и наконецъ о представленіяхъ свищей, воздушныя игры которыхъ заключаются въ хлонуаньи другъ друга крыльями. Можно-ли, на примѣръ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ серьезно утверждать, что самка останавливаетъ свой выборъ на томъ самцѣ, который способенъ наносить самыя сильныя и самыя, такъ сказать, артистическія удары?...

.....Доводъ Дарвина (самцы ухаживаютъ за самками и рисуются предъ ними) основанный на искусственно подобранныхъ примѣрахъ собранныхъ со всѣхъ частей свѣта и часто невѣрно переданныхъ, далеко несправедливъ: это становится сразу же ясно, какъ только отъ книги мы обратимся къ природѣ, какъ только мы изучимъ нравы и привычки всѣхъ видовъ какой-нибудь *одной* опре-

дѣленной мѣстности. Мы видимъ тогда, что случаи, которые приведены Дарвиномъ и которымъ въ своей книгѣ „Происхожденіе человѣка“ онъ придаетъ такое значеніе, равно какъ факты сообщенные въ настоящей главѣ сводятся по существу къ общему началу и представляютъ лишь проявленія одного инстинкта, присущаго повидимому всеѣмъ существамъ. Объясненіе, которое я хочу предложить, весьма просто и подобно теоріи Уоллеса ¹⁾ относительно окраски и украшеній охватываетъ собою всю совокупность фактовъ. Мы видимъ, что въ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ низшія животныя періодически подвергаются приступамъ жизнерадостности, дѣйствующимъ на нихъ могущественно и представляющимъ яркую противоположность съ ихъ обыденнымъ настроеніемъ. Людямъ тоже знакомо это ощущеніе періодически накопляющагося избытка силъ. Его испытываетъ, особенно въ молодости, даже цивилизованный человѣкъ, когда чувствуетъ себя совершенно здоровымъ. Бываютъ минуты, когда онъ внѣ себя отъ радости, когда что-то заставляетъ его пѣть или кричать или безъ всякой причины смѣяться, бѣгать и прыгать и выдѣлывать разныя другія несообразныя движенія. У мейбѣ подвижныхъ млекопитающихъ это ощущеніе выражается громкимъ шумомъ, мычаніемъ, криками и разными комическими или неуклюжими движеніями — на примѣръ, брыканіемъ, притворнымъ ужасомъ, неловкими шутивными битвами. У болѣе мелкихъ и подвижныхъ животныхъ, обладающихъ болѣею быстротой и увѣренностію движеній, это ощущеніе проявляется въ болѣе правильной и сложной формѣ. Такъ молодая животныя изъ семейства кошекъ, а также всея наиболѣе ловкіе и игривые виды, какъ, на прим., пума во всякомъ возрастѣ подражаютъ дѣйствіямъ животныхъ преслѣдующихъ добычу; они притворяются обрадованными при открытіи воображаемой добычи, то прячутся, то подкрадываются къ ней, скрываясь за встрѣчными предметами, нѣсколько времени подстерегаютъ добычу, прикинувъ къ землѣ, сверкая глазами и двигая изъ стороны въ сторону хвостомъ, наконецъ

¹⁾ Уоллесъ—противникъ теоріи полового подбора. Свой взглядъ на нее онъ развилъ въ статьѣ „теорія половой окраски“. См. вышецитированный нами переводъ его книги, стр. 427—446

бросаются впередъ, налетаютъ на товарища по игрѣ, схватываютъ его, перебрасываютъ на спину и въ шутку терзаютъ его. Другіе самые разнообразныя виды, у которыхъ сильно развитъ голосъ, соединяются для шумныхъ концертовъ и хоровъ“.

Такъ Хэдсонъ отвергаетъ теорію полового подбора, но намъ кажется, что факты имъ сообщаемые показываютъ, что и принципъ естественнаго подбора примѣняется къ объясненію происхожденія животныхъ и ихъ свойствъ неудачно: не случай производилъ измѣненія въ организаци и свойствахъ животныхъ и не естественный подборъ сохранялъ эти измѣненія въ потомствѣ. Такое впечатлѣніе выносится изъ чтенія книги Хэдсона и намъ пріятно отмѣтить, что наше личное впечатлѣніе оказывается неединоличнымъ. Опровергая взглядъ г. Вагнера на происхожденіе инстинктовъ путемъ естественнаго подбора (разсужденіе объ этомъ г. Вагнера подъ заглавіемъ: „Вопросы зоопсихологіи“ помѣщено въ „Вопросахъ философіи и психологіи“), г. Эльпе ссылается на книгу Хэдсона ¹⁾. Дѣло зоопсихологовъ извлечь изъ книги Хэдсона все, что въ ней есть стоящаго. Но насъ лично въ данномъ случаѣ психологія животныхъ интересуетъ постольку, поскольку она связана съ вопросами религіи и морали. Стоящая на очереди дня философія отождествляетъ психическую природу человѣка и животныхъ и высшія нравственныя свойства перваго выводитъ изъ низменныхъ инстинктовъ послѣднихъ. Книга Хэдсона говоритъ намъ, что психологія животныхъ еще не изучена, что до наивности простыя объясненія свойствъ души человѣческой и животной, предложенныя Дарвиномъ, Спенсеромъ и другими, потому и просты, что не приспособляются къ фактамъ, а приспособляютъ ихъ къ себѣ, игнорируя одни и искажая другіе, и что поэтому роковые выводы о низменномъ происхожденіи и назначеніи человѣка пока не должны страшить насъ: эти выводы—плодъ матеріалистической философіи, корни которой существовали за тысячу лѣтъ до Р. Х., вовсе не результаты современныхъ научныхъ изслѣдованій. Наука въ сущности ничего не знаетъ о про-

¹⁾ См. Эльпе, Научныя письма Новое Время. 31 мая и 13 іюня 1896 г. (№ 7274 и 7288).

исхожденіи живыхъ существъ и ихъ свойствъ, самыя живыя существа часто ускользають отъ ея изслѣдованія (см. у Хэдсона главу „о потерянныхъ находкахъ“). Въ этомъ малознаніи науки и въ ея плохомъ пониманіи того, что она знаетъ, и сознается Хэдсонъ. Самъ Хэдсонъ—убѣжденный дарвинистъ, поэтому намъ и представляются цѣлыми его сообщенія, которыхъ нельзя заподозрить въ тенденціозности и которыя колеблуть зданіе дарвинизма. Многіе факты, которые онъ объясняетъ изъ принциповъ дарвинизма, колеблуть эти принципы. Хэдсонъ не замѣчаетъ этого. Такъ бывало со многими сторонниками многихъ ученій. Такъ бываетъ съ дѣтьми, когда они строятъ карточные домики и, желая другихъ убѣдить въ прочности своихъ зданій, воздвигаютъ надъ постройкою одинъ этажъ за другимъ. Въ концѣ концовъ все зданіе падаетъ...

С. Плагольевъ.
